

Перед двумя русскими писателями стояла одна задача – уберечь много-страдальную русскую деревню от полного разорения.

Василий Белов тянул в родную лесную деревню Тимонику электричество, строил дорогу, берёг от браконьеров сосновый бор, возрождал православный храм.

Иван Васильев отдал Ленинскую премию на строительство в селе Борки, где он жил последние годы, картинной галереи, литературно-художественно-го музея Великой Отечественной войны, школы экологического просвещения.

Этот гражданский подвиг не подменял главного – литературных трудов и выступлений с высоких государственных трибун в защиту деревни.

Однако на один и тот же назойливый мой вопрос, когда возродится деревня, они отвечали с удивительно одинаковой решимостью, отрицая такую возможность.

Василий Белов мгновенно закипал и сердито выговаривал:

– Деревни уже нет... Чему возрождаться-то!?

Глубокомысленно звучал и протест Ивана Васильева:

– А ты встречал крестьянина в деревне? Вряд ли. Кругом подёнщики...

А раз нет крестьянина, то кому же её возрождать!?

Могли ли меня, молодого журналиста с крестьянскими корнями, закончившего Ленинградский государственный университет и потребовавшего на-править по распределению на работу не в престижную городскую, а в сель-скую районную газету, устроить такие ответы, наполненные безнадёжностью и тревожным ожиданием? Конечно, нет. И я, не обращая внимания на катего-ричность позиций двух любимых и самых авторитетных для меня писателей, брал блокнот, магнитофон, фотоаппарат и мчался за разъяснениями вначале в псковское село Борки, а затем в деревню Тимонику.

Несмотря на то, что поездки были осуществлены в разное время, там и там меня ждали после дальней дороги жарко натопленные баньки, чай из самовара, ночлег на сеновале и долгие беседы о России. В удобный момент я возвращался к больным вопросам, что меня мучали, ведь на моих глазах обезлюдевали деревни, и мне хотелось знать, будет ли этому безудержному бегству сельчан конец и есть ли вообще у деревни какие-либо перспективы выживания.

Мысли Ивана Васильева уводили вновь в сторону от прямого ответа, по-рождали смятение в душе и неразрешимые вопросы:

— Пока в деревню не придёт культура, пока не произойдёт наполнение души крестьянина духовностью, пока лень и апатия заменят, вытравливают из крестьянина трудолюбие и любовь к земле — нет у деревни будущего.

Василий Белов только на первый взгляд изъяснялся понятнее, но и он почувствовал к поиску своих ответов о грядущей судьбе деревни.

— Произошло самое страшное — отчуждение крестьянина от земли, леса, животных, даже от строительства собственного дома, — говорил он. — Потому без воспитания в человеке чувства земли, чувства хозяина не возродится и крестьянство.

Неудовлетворённость их ответами связана у меня была с тем, что я уже знал и читал эти высказывания писателей в их газетных статьях и книгах. Мятая душа журналиста жаждала не философских размышлений, а конкретики.

И все же я заново перечитывал произведения писателей и, натываясь на созвучные нашим беседам темы и аргументы, выписывал их в блокнот, чтобы снова задать уточняющие вопросы.

Потрясали меня тогда два факта: неожиданное совпадение мыслей Белова и Васильева и то, что больше никто из литераторов, пишущих на сельские темы, не разделял их взглядов. То ли Белов и Васильев — литературные близнецы-братья, то ли большой отряд писателей, изображающий адвокатов сельских жителей, облачился в одинаковые политические одежды и знал иной путь спасения деревни, но выразался настолько заумно и научно, что в обществе никто на них не обращал внимания.

Книги же Белова и Васильева читали, о них спорили.

Не мог и я пройти мимо тех многих размышлений писателей, которые писались будто под копирку, хотя жили авторы вдалеке друг от друга и писали свои труды не в один и тот же день. Их социальная публицистика основана на реальных фактах, а соединяет авторов многое. Это и глубокие познания экономики села, и смелость суждений, и опыт души, и осведомленность в деревенских делах, и умение постичь сложнейшие повороты психологии крестьянина.

Белов и Васильев были преданы родным местам и исходили их пешком вдоль и поперёк. Они искали ответы на те злободневные вопросы, что мучали и меня: “А нужна ли была беспощадность коллективизации? Кому выгодна потеря национальной и духовной самобытности? Почему исчезла поэзия труда на земле? Отчего крестьянин бежит из деревни?” При случае я задавал эти вопросы писателям. Понятно было, что во многих сельских бедах виновата власть, отгородившаяся от народа кабинетами и идеологическими установками, ну, а сам крестьянин, историческими и родовыми корнями связанный с землёй, ему почему деревня стала чужой?

Василий Белов на вопрос об охлаждении крестьянина к малой родине ответил сухо одним словом: “Отчуждение”. Заметив, что я не до конца понял смысл этого слова, подарил мне свою небольшую книгу “Ремесло отчуждения” и добавил:

— Земля перестала быть для крестьянина родной, необходимой... Он даже дом для себя перестал строить сам, ждёт каменной постройки от колхоза.

С Иваном Васильевым у меня сложился более продолжительный диалог. На мой вопрос я услышал схожий ответ: “Посторонность и полоса отчуждения легла через душу крестьянина... Вместо хозяина земли появился иждивенец, который не может срубить для себя, как раньше, собственный дом”. Чтобы высказанная мысль была более понятной, писатель подарил мне три своих очерка: “Хвала дому своему”, “Бумеранг”, “Оружием культуры” и книгу “Я люблю эту землю” с надписью: “Анатолию Николаевичу Грешневику с добрыми пожеланиями в большой путь”.

В книге “Ремесло отчуждения” я нахожу то объяснение Белова понятию “отчуждение”, о котором он говорил мне.

“... Земля отчуждена от человека, поскольку единый цикл выращивания урожая раздроблен на множество операций. Интимные отношения человека и земли, необходимые для успешного дела, давно нарушены. Отчуждение коснулось и других, производственных сторон жизни. Отчуждение от родины, от дома, от семьи... Отчуждение от земли подкреплено отчуждением от жилья. Люди в сельской местности разучились строить себе дома. Жильё во многих местах уже не принадлежит хлебопашцу. Так что же может удержать его на одном месте? Миграция — бич сельского хозяйства! (Одного ли сельского хозяйства?) Отчуждение произошло и в административной среде, в системе

руководства. Хорошо помню, как председатели небольших, компактных колхозов краснели на колхозных собраниях. Народ разберёт поведение руководства по косточкам, но и ободрит, подсобит, подскажет, как лучше. Нынче руководитель заслонился от жизни машиной и кабинетом. Он руководит с помощью зама, телефона и бездушных бумаг. И чем выше пост, тем опасней такое отчуждение. Оно всегда оборачивается неопределённостью, неясностью положения, ошибками. Отчуждение — признак современности. Но все виды этого отчуждения начались с отчуждения от земли...».

Прочитав книгу Белова, я тотчас начал изучать очерки Васильева. А как он понимает отчуждённость?

В очерке “Бумеранг”, опубликованном 2 октября 1988 года в газете “Правда”, Васильев пишет: “Отторжение крестьянства от собственности, естественно, лишило его права и на продукт. Он не продавал производённого артельным трудом, а сдавал государству в лице заготовительно-сбытовых контор. Не стало у него права и покупать городской продукт: технику, оборудование, удобрения он получал по распределению от тех же контор... Именно в такой сфере психология процветания на чужом труде дала самые пышные всходы — нравственное разложение стало массовым. А исток сего явления, как ни крути, ни верти, надо искать в раскрестьянивании деревни...”

Васильев привёл убедительные доказательства того, каким образом у крестьян произошло отторжение от производственной стороны жизни деревни. Белов в этой ситуации использует слово “отчуждение”. Но смысл один — крестьянин перестал быть хозяином, стал подёнщиком, рабочим на земле. Потому изменились и отношения между ним и руководством колхоза. Белов сокрушается: “Отчуждение произошло и в административной среде, в системе руководства”. Соглашаясь с этим утверждением, Иван Васильев раскрыл суть этого глубинного зла и показал на ярких примерах действительности, чем опасно оно. Вначале писатель признаётся: “Исключительно редко встречались мне председатели и директора, понимающие, что духовность есть причина производительности. Они поражены “производственным принципом” настолько глубоко, что технология стала их психологией. Духовный мир человека, нравственная жизнь сельской общности — понятия для многих из них недоступные. Мы выпестовали огромную армию сельских управляющих с крайне бедным духовным миром. В системе их обучения мы, кажется, сделали всё, чтобы этот мир не развивать, выпускать штампованных болванчиков с технологической начинкой”.

Затем в очерке “И нам плохо, и вам не сладко”, опубликованном в газете “Советская культура” 25 июля 1987 года, развёрнута доказательная база, дающая разъяснение сказанному:

“Деревню сделали только сельскохозяйственным производством. Здесь позволено лишь работать, всё остальное, что включает в себя понятие “жизнь”, кроме работы, то есть быт и дух, как бы и вовсе не существует, на их потребности — запреты, запреты, запреты... Для духа — примитивный дозволенный “культурпросвет”, для быта — железобетонная навязанная изба, дробная лавка и электрическая лампочка. Целые десятилетия мы руководили деревней только как производством, не имея в силу какого-то умственно-го кретинизма, что деревня — это образ жизни, это человеческая общность, это народная жизнь. Так загубили свою культуру, творимую в народной гуще, движимую потребностями человека в самовыражении и саморазвитии. Её задавила чужая, официальная, ведомственная, и, что любопытно, сама рождённая и выпестованная народной культурой, как дитя матерью, она не желала питаться её соками, подрубила своей монопольной властью собственные корни”.

В начале перестроечных лет правления Генсека Михаила Горбачёва о спасении деревни и лучшей жизни для крестьян не писал в газетах и журналах только ленивый публицист... Только громада публикаций в основном сводилась к выводу, что сельское хозяйство — это чёрная дыра экономики. Изредка кто-то вспоминал труды Чайнова, Прянишникова, Вавилова, Мальцева. Лишь трезвое и ответственное слово двух публицистов с чувством гражданской ответственности — Белова и Васильева — пробивалось сквозь завесу лживых измышлений и надуманных фактов. Только в их статьях и книгах вскрывались “болезни” деревни и давались правильные рецепты “лечения”.

Убеждённой Ивана Васильева в том, что загубленная культура в деревне стала причиной её раскормывания, стала для меня таким откровением, что я не сдержался и начал засыпать горячими вопросами своего кумира.

— Иван Афанасьевич, ведь в деревнях есть и библиотеки, и клубы, но их влияние на культуру сельских жителей очень мало?!

— Раньше в деревенском клубе жители сами создавали театральный кружок, местный хор, а сегодня в клуб приезжают в основном городские артисты, — спокойно разяснял мне свою позицию писатель. — Чиновник убрал из деревни те очаги культуры, которые могли удовлетворить хотя бы малые духовные запросы. Нужно разрешить деревне иметь не только свои клубы, но и книжные-газетные киоски, музыкальные классы, изостудию, музеи. В деревне должны работать не только агроном и ветеринар, но и художник, архитектор.

— Вы про книжный и газетный киоск не пошутили?

— Шутки не уместны, если речь идёт о воспитании души, о воспитании любви к земле.

— Я согласен, когда вы пишете, что умственный кретинизм чиновников, рассматривающих деревню не как образ жизни, а как производственный цех, опасен. Это тупиковый путь в развитии деревни. Но откуда на селе может появиться армия одарённых, культурно образованных, воспитанных специалистов?

— Раньше должности среднего звена, такие как бригадир или заведующий фермой, занимали сами крестьяне — одарённые, опытные, имеющие организаторские способности. Из их числа коллектив колхоза выбирал себе зачастую и председателя. Затем началась эпопея безумных кадровых назначений. Она привела к тому, что при назначении на должность бригадира или управляющего отделения учитывать стали не организаторские способности, не умение пахать, сеять, доить корову, не умение слышать людей и сострадать их боли, а лишь знание того, как это надо делать. Чтобы добиться качества специалистов, нужно прививать им не только знания, но и умения, нужно вернуть деревне культурные и духовные традиции.

Примерный реестр деловых качеств управленческого звена, который огласил Васильев, мне был понятен. Тем более, что он неустанно его уточнял — любой специалист должен чувствовать природу, ценить красивую работу, требовать перепахать неряшливо возделанное поле.

В поездке по вологодским деревням я поинтересовался у Василия Белова, какие критерии оценки при назначении бригадиров и председателей колхозов должны существовать и знает ли он механизм отбора наиболее способных организаторов сельской жизни.

Белов без раздумий ответил:

— Критерий может быть один — любовь к земле. Но где и кто сегодня её прививает? Ни школа, ни библиотека, ни клуб, ни тем более массовый пропагандист и агитатор — телевидение — никто этим не занимается.

— А как можно любовь к земле привить?

— Скажи, а кто тебе любовь к земле привил? — ответил вопросом на вопрос Белов.

— Отец с матерью, — ответил я.

— А им, верно, чувство земли привито их предками. В основе любви — семья, труд, традиции. Ничего иного тут не выдумаешь.

Порывался я спросить ещё и о том, что такое любовь к земле, но постеснялся. Вроде как глупо об этом спрашивать. Тем более и Белов, и Васильев не раз писали в своих очерках об этом. Их признания мне очень близки.

Белов писал: “Мы называем землю матерью, матушкой, кормилицей, поём ей гимны и славословим. Это лишь на словах. На деле мы поступаем с ней безнравственно и жестоко, мы давно забыли, что она живая”.

Васильев как бы вторит ему, когда пишет в очерке “Оружием культуры”:

“Моя боль — земля. Брошенная, неухоженная, загаженная. Земля-падчерица, земля-сирота... Ненужная сытому, красиво одетому господину своему — человеку. Небрежный пахарь недопахал клин, самодовольный автовладелец без зазрения совести катит через хлебную ниву, дорожнику лень убрать гнилые столбы, энергетики кромсают лес, не отстают связисты, газовики, строители... Если бы хоть один услышал, как стонет земля под мощью его прогрессивной поступи! Не слышит! Глух абсолютно! И потому глух, что

полоса отчуждения легла через душу его. Полоса эта — не землеустроительное понятие, а, если хотите, нравственное... Везде человеку делу может стать чужим, и везде встаёт вопрос: чем и как вытравить из души отчуждение?"

И вновь Васильев добавляет к сказанному то, о чём неустанно уже писал: "Люди с экономическим складом мышления преимущественно уповают на рубль, на так называемую материальную заинтересованность. Но опыт показал, что рубль — не панацея. Сегодня нам, в этом я абсолютно убеждён, очень нужно достучаться до души, разбудить совесть, а рубль — не будильник, тогда — что? Искусство? Слово, картина, спектакль, музыка — всё, что способно разбудить, растревожить душу, потрясти чувства?"

В конце предложения стоит вопрос. Нет ни вывода, ни утверждения. Выходит, Васильев не нашёл ответа на этот свой трудный вопрос. Искал ответ на него и Белов. Доказательством тому служит тот факт, что оба они строили и возрождали в своих деревнях здания культуры. Силой своего таланта они стремились стереть в душах людских полосы отчуждения, они зазывали в деревни художников, кинорежиссёров, поэтов, скульпторов, певцов. Белов не только сотрудничал с народным художником России Валерием Страховым, но и сам брал у него уроки живописи. А Васильев активно приглашал к сотрудничеству со своим народным музеем великих русских художников — братьев Сергея и Алексея Ткачёвых, Василия Звонцова, замечательного великолукского живописца Алексея Большакова.

Мне посчастливилось увидеть и картинную галерею, созданную Васильевым в селе Борки, и восстановленный Беловым православный храм на его малой родине. Но навязывать этим писателям-подвижникам мысль, что один в поле не воин, что в других деревнях некому строить музеи и центры экологического просвещения, я не стал. Убеждение, что полосу отчуждения в одиночку не преодолеть, что борьба с культом пассивности, невежества, отстранённости возможна лишь при наличии властных полномочий, на мой взгляд, подтолкнули и Белова, и Васильева заняться политикой, стать народными депутатами СССР.

Они верили в то, что обладание властными полномочиями поможет им заразить крупных политиков и государственных деятелей их созидательными идеями. С высокой парламентской трибуны то и дело звучал их голос о неотложных мерах спасения деревни. И чем сильнее их голос звучал, чем привлекательнее и конкретнее становились предложения, тем равнодушнее становилась власть.

Васильев убеждал в долгих телефонных переговорах с архитекторами перестройки и руководителями ещё существовавшего союзного государства Яковлева и Горбачёва обратить пристальное внимание на культурное и духовное возрождение нации, на сохранение в деревнях артельного хозяйствования и недопущение закрытия колхозов, а главное — на восстановление в деревнях давнего, традиционно сложившегося крестьянского образа жизни, как экономического, так и нравственного. Убеждал, что необходимо отказаться от существующей системы образования и воспитания, умертвляющей в детях природные начала искателя и творца.

Ходил к Горбачёву и Белов. Жаждал разбудить в нём чувство ответственности за гибнущую деревню и уничтожаемую предателями-либералами страну. Но Генсек Горбачёв был лишён всего этого напрочь. Если к Васильеву разочарование в нём пришло с запозданием, то Белов сразу его распознал.

Он поведал мне о том походе в деталях.

— Знаешь, Толя, я сразу понял, что Горбачёв — бесполезный человек. Дверь у него такая тяжёлая, что я её еле открыл. Говорю ему: поправь дверь, чтобы избиратели легко входили в кабинет, а он лишь рукой махнул. Дал ему книги русского философа Ивана Ильина почитать, а он с таким кислым лицом взял их и положил на дальний угол стола, что стало понятно: не будет читать.

— Так зачем ходил, если заранее известно было, что бесполезно пробуждать в нём те чувства, которых у него нет?

— Надежда, как говорится, умирает последней, — махнул рукой Белов.

Прошло ещё некоторое время участия писателей в политике, и они поняли, что оставаться им депутатами бесполезно. Белов демонстративно сдал мандат депутата. А Васильев отказался ехать на шестой съезд народных депутатов СССР, объявленный "демократической" властью Ельцина незаконным, и тоже самостоятельно ушёл из политики.

Отказавшись от полномочий депутатов, они не отказались от публицистики. Их острое правдивое слово в печати серьёзно напугало либеральное окружение Ельцина. В регионах появились штрейкбрехеры и слуги новых господ, которым захотелось проучить народных трибунов и закрыть им рот. На одной из вологодских улиц жестоко был избит Белов. В село Борки к Васильеву приехали с грозным предупреждением – не заниматься политикой – сразу два прокурора: областной и районный. Как признался писатель 19 марта 1992 года в газете “Советская Россия”, приехали блюстители закона с одной целью: “Срочно понадобилось проверить меня на предмет убеждений и намерений”.

Как только Ельцин расстрелял русский парламент, Чубайс провёл грабительскую приватизацию, а команда либералов во главе с Гайдаром погрузила некогда великую державу в экономическую и культурную оккупацию, так Белов и Васильев растались с мыслью, что у нашей деревни есть силы и энергия для возрождения. В наших продолжающихся горячих беседах не звучали уже мечты о том, что в Россию придут времена, когда в деревнях вновь оживут школы ремёсел, дворянские усадьбы, липовые парки, храмы и монастыри, картинные галереи. Правда, писатели руки не сложили... Они продолжали воевать за Россию словом, пробуждать в народе чувство национального самосознания, а среди подвижнических дел занялись возрождением православной веры, той веры предков, которая могла бы помочь русскому человеку осознать важность жить и трудиться на земле. На родине Белова в храме начались службы... Приступил к строительству церкви в селе Борки и Васильев.

* * *

Трудно сказать, кто из них больше повлиял на мою писательскую и политическую судьбу. В учениках походить у них не довелось, но по их книгам я учился понимать и любить уклад жизни крестьян, узнавал его во всех тонкостях, учился в любую минуту не бояться противостоять уничтожению сельской жизни на великих российских просторах. Может, они были наставниками мне? Но и Василий Белов, и Иван Васильев были не просто наставниками, но, прежде всего, примером любви к Родине, примером живописания простого русского человека с его душой, открытой состраданию, нравственно чистой и на редкость скромной. А подвижнический труд этих писателей служил мне конкретным руководством к действию...

И всё-таки...

Пять лет моя книга очерков о народных самобытных мастерах, знающих тайны крестьянских ремёсел и дикой природы, лежала без движения в Верхне-Волжском издательстве. Местных чиновников от литературы мучили равнодушие, величие их таланта и жажда гонораров, но только не желание дать дорогу молодому писателю. И как засуетились они с изданием книги, с возвеличиванием её достоинств, когда предисловие к ней написал самый популярный и боевой в то время писатель, лауреат Ленинской и Государственной премий Иван Афанасьевич Васильев.

Месяц понадобился на издание книги. В напутственном слове к книге Васильев писал:

“Не знаю, замечают ли литературные критики в творчестве молодых писателей, выходцев из российской глубинки, кроме душевной боли за отчуждённую землю, ещё и особое внимание к миру простого русского человека, понимание и принятие его терпения, мудрости, веры и стойкой надежды. Мне кажется, засилье городских литературных групп создаёт не весьма благоприятную атмосферу для молодых сил, идущих в литературу из глубинки. Сложилось какое-то снобистское отношение к теме труда, обыкновенной жизни и народному мировоззрению: ну, что там, дескать, интересного может представлять для изящной словесности описание мужика? Есть Иван Африканыч, есть Михаил Пряслин – и хватит, начитались уж!.. Мы-то, может быть, и начитались, да вот какое дело: и народ на месте не стоит, да и можно ли одним-двумя героями объять необъятное?! Новые и новые таланты будут обращаться к постижению вечной темы народа, духовного мира простого человека. Да, они начинают с газетной заметки, со статьи и очерка, чтобы напомнить обществу:

не оскудевает земля русская добрыми людьми! Но пройдут годы – и, глядишь, новое имя на литературном небосводе. Не берусь пророчествовать конкретно, но знаю точно, автор данного сборника – Анатолий Грешневиков – как раз из тех неравнодушных и зорких к народной жизни людей, о которых говорил выше. От всей души желаю ему большой дороги!”

Мне весьма льстило, что в предисловии к книге Иван Васильев упомянул имя героя книги Белова “Привычное дело” Ивана Африканчыча, ещё и имя героя книги “Пряслины” – Михаила Пряслина. Но именно эти имена попали под редакторское сокращение. Причины цензуры мне не сообщили.

– Не знаю, что в таких случаях следует делать? – пожаловался я Ивану Афанасьевичу, даря ему первый экземпляр.

– У Белова больше сокращали, а он терпел ради того, чтобы сказать главное... Видишь, как трудно у нас в большую литературу вписать жизнь русского крестьянина!

– Такое ощущение, что кто-то хочет, чтобы русский крестьянин с его радостями и бедами не стал хозяином земли.

– А здесь большого ума не требуется, чтобы догадаться: так оно и есть.

Мой приход в большую политику, кажется, вышел по воле случая. Никто на родной Ярославщине не хотел возглавить движение против строительства атомной станции... Эту ношу пришлось взвалить на себя мне. Сразу после победы над опасной гигантской стройкой ярославцы выдвинули, а затем и избрали меня народным депутатом РСФСР.

Кремлёвская власть тогда красиво “ухаживала” и богато задабривала депутатов из далёких провинций, забирая их после этого в идеологический плен... Мне, как и коллегам, предлагали бесплатную квартиру в Москве, автомобиль, должность министра. Многие соглашались на умопомрачительные подачки. Я от всего отказался.

– Правильно поступил, – похвалил меня тогда Василий Белов. – Мне вот порой совесть спать спокойно не даёт: от всех благ отказался, а квартиру взял. Ты – более стойкий. Молодец. Не сдался чиновникам, значит, народ тебя поймёт, поддержит, ибо ты стал настоящим народным депутатом.

– Василий Иванович, вы заслужили квартиру больше всех демократов-либералов, вместе взятых, – заметил я.

– Нет, нет, я раньше другим был, принципиальным, как ты, – покачал головой Белов. – Помню, редактор газеты “Правда” Михаил Васильевич Зимянин уговаривал меня поступить к нему на работу, а я отказался. Работать в “Правде” в то время было более чем престижно. Я отказался. Он прислал ко мне своего журналиста... Сiju я в гостях у писателя-земляка Яшина, рядом компания известная – Шукшин и Абрамов. И как только журналист сказал, что редактор Зимянин ждёт меня в своём кабинете для серьёзного разговора, мои друзья заголосили – поезжай, поезжай... А я не хотел. Знал, что не соглашусь переехать из деревни на жительство в город. Не моё это. Но поехать в “Правду” пришлось. Стою перед Зимяниным, а он мне сулит всё подряд – большую зарплату, хорошие гонорары, квартиру, и приходиться на работу когда хочу, лишь бы писал два очерка в год... Оказывается, ему понравилась моя повесть “Привычное дело”, опубликованная в “Новом мире”. Признался, что когда читал, то плакал... Я сразу не стал отказываться, пообещал подумать... Но через несколько дней написал письмо Зимянину, в котором извинился, что не могу принять его предложение.

– Василий Иванович, вы не путайте, одно дело – бросить малую родину и переехать в столицу жить, а другое дело – иметь в Москве квартиру, и приезжать и останавливаться в ней в любое время для решения своих издательских и просветительских дел.

– Может, оно и так.

– А как вам живётся в Тимонихе?

– Без Тимонихи я бы ничего стоящего не написал. Держись своей малой родиной, и она тебе поможет.

Наказ Белова я никогда не забывал. Живу в маленьком лесном посёлке Борисоглебский, на работу езжу в Москву, а писать книги могу лишь на родной земле.

Особую гордость доставляет мне по сей день тот факт, что книги мои читал сам Василий Иванович, и не просто читал, а писал тёплые отзывы. О каждом произведении находил возможность сказать возвышенное слово. Уверен:

если бы однажды я получил от Белова и Васильева критическую рецензию на свои книги, то я вряд ли бы продолжал их писать.

Белов поддерживал во мне творческий огонь. После выхода книги “И свяжет зодчий нить времён” Василий Иванович 31 мая 2001 года прислал мне письмо, в котором по-доброму оценил мой труд: “Я поздравляю тебя с книгой о реставраторе! Молодец, много грехов с тебя снимут за эту книгу после второго пришествия. Слава Богу, что есть такая книга. Ура!”

Высокую оценку он дал и моей книге “Дом под кронами дубов”, вышедшей в столичном издательстве “Русский мир”. В его письме от 3 декабря 2001 года среди прочих похвальных слов была самая дорогая для меня фраза: “А ты уже настоящий писатель. . .” Дождаться такого от классика литературы, скупого на подобные оценки, мог даже не каждый маститый писатель. . . Мне посчастливилось.

Иногда Белов не просто читал и хвалил тот или иной мой литературный труд, а рекомендовал его переиздать. Так, например, прочитав книгу “Боевые дельфины и ринговые собаки”, он написал мне 3 мая 2003 года: “Спасибо за книгу о дельфинах. На мой взгляд, её надо издать ещё (!) и в твёрдой обложке, и не у Серёжи Хомутова (в Рыбинске), а где-нибудь в Москве или в Питере!” Спустя некоторое время, я воспользовался советом писателя и выпустил в столице книгу “Эра экологического апокалипсиса”, куда вошёл и очерк о дельфинах.

Сложнее было выполнить просьбу Василия Ивановича о том, что необходимо расстаться с политикой и заняться только писательским трудом.

— Сам я не смог отказаться от участия в политике, — сокрушался Белов. — Затянуло. Не знаю, как ты сможешь из этой ситуации выпутаться, но чем раньше ты это сделаешь, тем лучше.

— У меня, как и у вас, тоже ничего не получится, — признался я. — Видимо, сегодня политика, писательство, публицистика так сплелись воедино, что их трудно разъединить и представить одно без другого. Россия в тупике, в оккупации, как пишет Валентин Распутин, значит, наше писательское слово должно быть острым и необходимым. Не зря статьи писателя Ивана Афанасьевича Васильева не сходят со страниц газет. . .

— Да, писатель — рупор времени. . . Глядя на Ивана Афанасьевича Васильева, и я сражался то на политическом, то на писательском поприще.

— На следующий год выборы, так что вновь пойду в Думу.

— Я тебя поддерживаю, — неожиданно, но твёрдо заверил Белов. — Заранее только предупреди, что надо будет сделать для победы.

Незадолго до начала выборной кампании в Государственную Думу России, а точнее — 28 января 2003 года, Василий Иванович настойчиво напоминает мне в своём письме: “Напиши, что надо сделать для предвыборных дел”.

Нужен был отзыв для агитационной листовки о моей прежней депутатской деятельности. Василий Иванович, забыв о занятости, тотчас написал от руки нужную агитку. Подумав, что от руки написанная она лучше будет восприниматься избирателями, я решил её не перепечатывать в типографии, а размножить на ксероксе и расклеить на городских и сельских тумбах и Досках объявлений. И когда мои помощники это сделали, реакция людей последовала мгновенно и была положительной.

Белов взывал, в частности, к избирателям:

“Я очень благодарен судьбе за знакомство с Анатолием Николаевичем Грешневиковым. Он уже пятнадцать лет трудится в высшем законодательном органе России. Народ русский выбирает его в Думу, веря в его честность и порядочность законодателя. Депутат от Ярославля разработал сотни законов. Эти законы действуют, особенно в экологии, к которой А. Н. Грешневиков особо пристрастен”.

Депутатские годы подарили мне большое количество встреч и бесед с Беловым. Мы вместе участвовали в различных конференциях, ходили на приёмы к министрам, летали во время войны в Сербию. Чтобы Василий Иванович мог беспрепятственно входить в здание как парламента, так и правительства, я вручил ему удостоверение своего помощника на общественных началах. Из путевых и литературных очерков о жизни и творчестве писателя у меня сложилась книга “Хранитель русского лада”. Изначально она вышла у меня на ярославской земле, а затем была переиздана в Москве.

Общение с Иваном Афанасьевичем Васильевым в ту пору стало редким. Он в штаты воспринимал работу Верховного Совета РФ, отвергал большинство его законодательных инициатив и решений. Предательство Горбачёва и Яковлева, звонивших ему порой домой и просивших поддержки, тяжёлым грузом легло на его больное сердце. Ельцину он уже изначально и справедливо не верил. И когда тот расстрелял парламент, а я пошёл на повторные выборы и стал депутатом уже Государственной Думы и выступил затем за отставку председателя ельцинского правительства, уличив его в недавних кровавых событиях в Москве, Иван Афанасьевич подал знак о себе. Он попросил через нашего общего друга, замечательного журналиста, заместителя редактора газеты "Сельская жизнь" Михаила Константиновича Сеславина, чтобы я ему позвонил.

— Правильно делаешь, что не веришь этим бесам, — громко говорил в телефон Иван Афанасьевич. — Они напустили смуту на Россию и думают, что это сойдёт им с рук. Нет. За всё заплатят. Эти либералы, эти космополиты выступают против основ русского мира — русской провинции, разрушают деревню, скупают у бедных крестьян землю... Ты не сдавайся там, борись без устали. И помни о своей родной земле. Как уйдёшь с неё, так сорвёшься с нравственных корней.

Последующие беседы так у нас и происходили. Я заглядывал в кабинет Михаила Сеславина, мы звонили Васильеву и горячо обсуждали пути выхода страны из экономической и духовной пропасти. Несмотря ни на что, Иван Афанасьевич оставался оптимистом, верил, что Россия "переварит" политику либералов и космополитов, встанет на путь возрождения национального самосознания. Именно тогда в дневнике писателя появилась жизнеутверждающая запись: "Когда-нибудь поэты и прозаики обратятся к поколению родившихся в первой четверти века и ушедших в последней четверти. Так пусть они знают, что этому поколению россов выпало два испытания на жизнестойкость, в юности и в старости: страшное поражение и сияющая победа. Она придёт и на этот раз, ибо солдаты уходят, сражаясь, а сражающиеся за честь — не погибают!"

Когда фронтовик и писатель Иван Васильев умер зимой 1994 года, не сломленным, верящим в Россию, то его редакционный архив, хранящийся в газете "Сельская жизнь", Михаил Сеславин передал мне. Там были бесценные записи, письма, фотоснимки, статьи.

Недавно в архивных залежах Сеславина я обнаружил запись, что Иван Васильев послал Василию Белову письмо... Выходит, они переписывались. То, что между двумя великими писателями сложились дружеские отношения, они ценили друг друга и поддерживали в трудную минуту, я знал. Дома у меня хранится письмо Белова от 20 мая 2004 года, где он пишет: "С Иваном Афанасьевичем Васильевым меня связывала дружба, его искренность и одна и та же тема в книгах, то есть русское крестьянство".

Мне захотелось прикоснуться к переписке двух великих подвижников, защищающих экономические и нравственные устои русского крестьянства, узнать, какие проблемы они обсуждали... Я написал о своём намерении вдове писателя Ивана Васильева, его верной спутнице Фаине Михайловне Андреевской, хранительнице не только его литературного наследия, но и музейного комплекса. Она быстро откликнулась, прислала копии трёх писем Василия Белова, адресованные Ивану Васильеву.

Истории ради, я публикую их полностью. Эти письма — живые свидетели того бурлящего непростого времени, когда писатели делили пополам и беды, и радости, они рассказывают о переживаниях и заботах писателей больше, чем литературные критики и друзья могут о них сказать.

Письмо первое. Белов пишет:

"Уважаемый Иван Афанасьевич, посылаю Вам письмо взбесившегося вульгарного социолога — не для того, чтобы испортить Вам настроение, а для того, чтобы Вы знали, то есть на всякий случай.

Как видите (это впервые у меня), я предал интересы моего корреспондента: вместо того, чтобы вернуть копию этого доноса ему, посылаю её Вам. (Может быть, я уподобляюсь при этом ему?).

В письмо был вложен еще и пасквиль под названием "В 81-й раз о нац. своеобразии", но он касается больше всего Вл. Крупина, поэтому я его не посылал. А, может быть, Вы уже знаете об этой (и прочей) мерзости. Так или

иначе, я не рекомендую вступать в контакт с доносчиком, он только того и ждёт. Обратите внимание: копии снимать разрешает, но просит вернуть. Какая предусмотрительная бережливость!

За сим желаю Вам здоровья и удачливого литературного труда.

Почтительно. Белов.

11 окт. 83 г.”

Письмо второе:

“Иван Афанасьевич, кланяюсь!

Пишу по просьбе Мариуса Брукмейера, написавшего книгу об Абрамове и т. д. Он живёт в Амстердаме, просится в деревню к Вам и ко мне, грешно-му...

Не знаю, что он написал в своей книге, но я согласился встретиться с ним в начале августа в Москве или Вологде. М. б., свожу его в мою обескровленную Тимонику. Если сможете принять его, то черкните мне: 160000, Вологда, Октябрьская, 10-4.

За сим — до свидания.

Будет ли съезд? Там бы поговорить. В том числе поговорить бы ещё раз о предателях и губителях Родины... Вернее, взять бы их за шиворот.

Белов. 14.5.91. Вологда”.

Письмо третье:

“Иван Афанасьевич, кланяюсь!

Вчера звонил Брукмейеру, он, видимо, прилетит в Москву 1 августа. На следующий день обещается быть в Вологде. Я могу свозить его в деревню на три-четыре дня, следовательно, числа седьмого он направится к Вам (если его планы не изменятся).

Что с ногами? Сосуды? Мне помогают вроде бы массаж и баня.

И ещё: что делать будем? Русских разделили на 20 суверенных государств, остальное доделать предоставлено доллару, который ничего не стоит (20-копеечная расчёска в Нью-Йорке — 1 доллар, бутерброд — 2 и т. д.).

Наш народ обманывают ежедневно ситаряны и павловы во главе с весёлыми лидерами.

Паршивей некуда!

Белов. 29. 7.91”.

Прочитав письма Василия Белова, я кинулся искать книгу Мариуса Брукмейера о знаменитом писателе Фёдоре Абрамове, ещё об одном искренне любимом в народе крестьянском писателе-правдоискателе, но, увы, не смог её найти. Стал разыскивать ответные письма Ивана Васильева... Они должны были после смерти Василия Белова храниться либо в его вологодской квартире, ставшей музеем, либо в государственной Ленинской библиотеке в Москве, куда писатель передал часть своего архива на хранение. Однако ни там, ни там ответных писем Ивана Васильева своему единомышленнику Василию Белову я не обнаружил. Потому что моё желание узнать, а побывал ли писатель из Амстердама в гостях у Белова и Васильева, остаётся пока невыполненным.

Эта неудача лишь раззадорила меня. Пришло время разыскать почту многочисленных единомышленников и корреспондентов двух наших крупных писателей, изучить их великое эпистолярное наследие и издать сей труд отдельной книгой. Письма Белова и Васильева, адресованные мне, когда-то помогли мне выбрать правильную дорогу в жизни, верно, помогут и другим русским подвижникам, всем, кому дорога русская крестьянская земля. Одних только посланий от Белова я получил сто сорок... Чем не повод для продолжения разговора о трудовом и литературном подвиге последних защитников русской деревни?!